
Ю. И. СЕМЕНОВ

НАРОД, ЭТНОС, НАЦИЯ

Статья первая. Общество, население, этнос^{*}

В статье анализируются проблемы, имеющие особую актуальность в современную эпоху. Подчеркивается, что этнос есть осознающая себя культурно-языковая общность, а не общность вообще. В статье также дается глубокий анализ понятий населения и общества.

Ключевые слова: общество, геосоциальный организм, территория, население, народ, этнос, генетико-культурная общность.

Вступительное замечание

Слова «народ», «этнос» и «нация» зачастую употребляются как синонимы. Согласиться с этим нельзя. Но понять, почему так происходит, можно. Все эти слова используются для характеристики состава того, что принято именовать народонаселением или просто населением общества. Поэтому, чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо предварительно выяснить значения слов «общество» и «население».

Общество и население

В исторической, этнологической (этнографической, социально-антропологической), социологической и философской литературе слово «общество» имеет по меньшей мере пять основных значений.

Первое из этих значений – конкретное отдельное общество, представляющее собой относительно самостоятельную единицу исторического развития. Каждое такое общество локализовано во времени и пространстве: оно занимает определенную территорию,

^{*} Статья написана при поддержке гранта РГНФ №11-03-0050а «Этнос и нация в глобализирующемся мире», а также гранта РГНФ №12-03-00514а «Концептуализация общества в современном социально-гуманитарном и культурно-историческом знании: теоретические и методологические аспекты».

оно обязательно когда-то возникло, а многие родившиеся в свое время подобные общества давно уже исчезли, ушли с исторической арены. Общество в таком понимании можно назвать *социально-историческим (социоисторическим) организмом* или сокращенно – *социором*. Примеры: Египет, Афинская республика, Спарта, Византия, Россия, Германия и т. д.

Второе значение – пространственно ограниченная *система социально-исторических организмов, или социорная система*. Примеры: общество Западной Европы, Ближнего Востока, Латинской Америки и т. п.

Третье значение – все когда-либо существовавшие и ныне существующие социально-исторические организмы вместе взятые – *человеческое общество в целом*. Четвертое значение – *общество вообще*, безотносительно к каким-либо конкретным формам его реального существования. Пятое значение – *общество вообще определенного типа (особенное общество или тип общества)*, например феодальное общество, капиталистическое общество, постиндустриальное общество и т. п.¹

Исходным и поэтому самым важным из всех пяти значений слова «общество» является первое из названных – понятие отдельного конкретного общества, социально-исторического организма.

Социоисторические организмы могут быть подразделены на типы по разным признакам, носящим содержательный характер: по социально-экономическому строю (рабовладельческие, феодальные общества и т. п.), доминирующей сфере экономики (аграрные, индустриальные и постиндустриальные общества), форме правления (монархии и республики), политическому режиму (автократические и демократические общества), господствующей конфессии (христианские, исламские, языческие страны) и т. д.

Но кроме деления на подобного рода типы существует подразделение социоисторических организмов на два основных вида по признаку, относящемуся к их форме, а именно – по способу их внутренней организации.

Одним из первых обратил на это внимание известный исследователь античности Бартольд Георг Нибур (1776–1831). Ему при-

¹ Подробнее об этом см.: Семенов Ю. И. Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. – М., 2003. – С. 21–27.

надлежит заслуга в постановке вопроса о природе такого института, каким является род. В трехтомной «Римской истории» (1811–1832) он нарисовал картину смены общества, основанного на родовом принципе, обществом с государственной организацией, базирующемся на территориальном делении. И римляне, по Нибуру, не исключение. Родовое устройство общества сменилось территориальным и у древних греков.

Английский юрист и историк права Генри Джеймс Самнер Мейн (Мэн; Мэйн) (1822–1888) в работах «Древнее право: его связь с древней историей общества и его отношение к современным идеям» (1861; пер. с англ.: СПб., 1873; М., 2010) и «Лекции по ранней истории институтов» (1875; пер. с англ.: Древнейшая история учреждений. Лекции. СПб., 1876; М., 2010) говорил уже не о тех или иных конкретных обществах, а об обществе в целом. Он проводил различие между обществами, основой которых является родство, и обществами, в основе которых лежит земля, территория.

Эта идея была в дальнейшем разработана великим американским этнологом Льюисом Генри Морганом (1818–1881) в его труде «Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации» (1877; пер. с англ.: Л., 1933; 1934; М., 2012). Последний достаточно четко выделил два типа, или, как он выражался, два «плана» общества, которые совершенно различны по своим основаниям.

«Первый по времени, – писал Морган, – основан на личности и чисто личных отношениях и может быть назван обществом (*societas*). Второй план основывается на территории и частной собственности и может быть назван государством (*civitas*). Политическое общество организовано на территориальных началах, и его отношение к личности и собственности определяется территориальными отношениями. В древнем обществе этот территориальный план был неизвестен. Появление его составляет пограничную линию между древним и современным обществом»². Л. Г. Морган связывал первый тип общества с первобытностью, второй – с цивилизованным, или классовым, обществом.

Утверждение, что социоисторические организмы только второго плана из двух выделенных типов базируются на территории, вы-

² Морган Л. Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. – Л., 1934. – С. 7.

зывало и вызывает возражения. Первобытные общины, долгое время являвшиеся единственными социально-историческими организмами, бесспорно, всегда были связаны с определенной территорией. В эпоху перехода от первобытного общества к классовому, то есть в предклассовом обществе, возникли более сложные социо-исторические организмы, состоявшие из нескольких общин. Одну из таких разновидностей принято именовать племенем. Классическим примером последнего являются описанные Л. Г. Морганом племена ирокезов: сенека, кайюга, онондага, могауки, онейда. Каждое из подобного рода племен тоже имело свою территорию. Понятия общинной и племенной территории повсеместно употребляются в этнологической и исторической литературе.

Безусловно, все конкретные отдельные общества были связаны с той или иной территорией. И социально-исторические организмы названных двух типов различались вовсе не наличием или отсутствием у них территории, а принципами, лежавшими в основе их организации, что предопределяло разное их отношение к территории.

Общество всегда состоит из людей. Но оно никогда не является простой их совокупностью. Люди образуют общество постольку, поскольку они включены в определенную систему отношений, которые принято именовать общественными. Поэтому общество прежде всего есть *определенная система общественных отношений*, в которой живут люди.

Каждый социоисторический организм есть отдельное конкретное общество, то есть определенным образом ограниченная система отношений, существующая рядом с другими такими же ограниченными системами. Вполне понятно, что оно включает в себя определенное количество людей, которые живут опять-таки на ограниченной территории. Самой важной является проблема отграничения людей, составляющих один социоисторический организм, от людей, входящих в состав других обществ, то есть проблема социорной границы, которая всегда является границей публичной власти. Члены одного социора находятся под главенством одной власти, члены другого – под эгидой другой. Возможны два основных способа проведения границы между социоисторическими организмами.

Имеет смысл начать рассмотрение с социоисторических организмов второго, более позднего, вида, так как они более понятны современному человеку, живущему в социорах именно подобного рода. Граница такого социально-исторического организма отделяет территорию, которую он занимает, от территорий, на которых расположены соседние социоры. Данная граница в большинстве случаев является одновременно и государственной. Границы государства, как известно, обычно более или менее четко маркируются. Метками являются природные объекты (реки, холмы и т. п.) или искусственно созданные для этой цели предметы (пограничные столбы и т. д.). Все люди, проживающие на территории данного государства, входят в состав данного социально-исторического организма.

Территориальными являются не только внешние границы такого социоисторического организма, но и границы между частями, на которые он делится. Все эти части занимают определенные места в пространстве, являются территориальными единицами. Пространственным является и порядок расположения этих подразделений. Короче говоря, социоисторические организмы такого типа пространственно организованы, имеют фиксированную территориальную структуру, обычно носящую иерархический характер. Так, например, Российская империя подразделялась на губернии, те – на уезды, а последние – на волости.

Неотделимость социоисторического организма такого вида от территории, которую он занимает, находит свое совершенно отчетливое выражение в том, что его название может быть только территориальным: Франция, Болгария, Турция и т. п. Такого рода социоисторические организмы в последующем я буду называть *геосоциальными организмами (геосоциорами)*. Как уже указывалось, геосоциальные организмы в исторической и обществоведческой литературе чаще всего именуются государствами. Другое слово, используемое для обозначения геосоциора, – «страна».

Слово «страна» используется для обозначения любого из ныне существующих геосоциальных организмов. Странами называют не только США, Португалию, Италию, но и Люксембург, Кувейт, Лесото, Белиз и даже Андорру. Сложнее обстоит дело с применением этого термина по отношению к прошлому.

Здесь огромную роль играет традиция. Если в XIX и XX вв. на той или иной территории существовал один геосоциальный организм, то данную территорию называют страной и в применении к тем эпохам, когда это пространство было раздроблено между множеством самостоятельных социально-исторических организмов.

Когда мы сталкиваемся с геосоциальным организмом, то особенно бросается в глаза уже отмеченный выше факт: хотя общество всегда состоит из людей, оно никогда не представляет собой простой их совокупности. Общество прежде всего – особое объективное образование с определенной системой отношений. Когда речь идет о геосоциальном организме, то он является такой системой общественных отношений, которая намертво спаяна с определенным участком земной поверхности и в этом смысле представляет собой определенную территориальную единицу. Ни сам геосоциальный организм в целом, ни его составные части в принципе не способны передвигаться с места на место. Но люди, входящие в состав геосоциора, вполне понятно, могут свободно перемещаться по всей его территории, а также покидать его пределы.

Результатом является определенное противостояние геосоциального организма как такового, с одной стороны, и людей, входящих в его состав, – с другой. В этом противопоставлении геосоциальный организм выступает только как пространственно организованная система общественных отношений, а люди, входящие в его состав, – лишь как простая совокупность индивидов, проживающих на его территории, то есть как его *население*.

Конечно, нет и не может быть страны без населения, но тем не менее страна и ее население всегда представляют собой два разных явления. Совокупность людей, входящих в геосоциальный организм, всегда выступает как нечто качественно отличное от него самого. Одно дело – сам геосоциальный организм, страна, государство, другое – население геосоциального организма, страны, государства.

Иначе, чем геосоциальные, были организованы социоисторические организмы первого, более древнего, вида. Хотя каждый из них всегда занимал определенную территорию, однако границы этой территории не были его собственными границами. Люди, входящие в его состав, были отграничены от всех остальных иным способом.

Каждый такой социоисторический организм представлял собой своеобразный союз индивидов с четко фиксированным личным членством.

Существовали правила, которые определяли принадлежность человека именно к этому, а не иному союзу, именно к этому, а не иному социоисторическому организму. Тот или иной человек становился членом определенного союза обычно в силу связи, существовавшей между ним и человеком, который к моменту его рождения уже состоял в данном союзе.

Главным принципом членства в таком социоисторическом организме было родство, причем, разумеется, не биологическое, а социальное³. Если этот организм был невелик, то по крайней мере его ядро всегда состояло из родственников. В их число можно было попасть не только в силу происхождения, но и путем адопции (усыновления или удочерения). Другой способ вхождения в такой социор – вступление в брак с его членом.

Если социоисторический организм был невелик, существующие правила прямо определяли принадлежность человека к нему. Крупные социоисторические организмы были подразделены на части. Иногда существовала многоступенчатая «лестница» такого рода подразделений. Число этих единиц и их взаимные отношения также были в достаточной степени фиксированы. Существующие в таком обществе правила определяли принадлежность человека к низшей структурной единице, например подразделению рода, тем самым к данному роду и племени, в состав которого входил этот род.

Единицы, на которые подразделялся такой крупный социоисторический организм, могли быть локализованы. Однако пространственные отношения между ними не составляли структуру социора, частями которого они являлись. Социоисторический организм такого типа был организован по принципу формального членства: членства отдельных людей и членства групп. В результате он выступал просто как определенная организованная совокупность людей.

³ Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. – М., 1974; 2010; Он же. Родство // Социальная философия. Учебный словарь / под ред. И. А. Гобозова. – М., 2008. – С. 263–269.

Конечно, в данном случае, как и в случае с любым обществом, существовало определенное различие между социоисторическим организмом и его человеческим составом. Оно выразалось хотя бы в том, что не всякое деление этого состава обязательно было и делением общества. Не общество само по себе, а лишь его людской состав подразделялся на детей и взрослых, на мужчин и женщин.

Социоисторический организм, возникнув, мог существовать очень долго. Особенно это относится к геосоциорам, возраст которых нередко исчислялся многими веками. Но продолжительность жизни каждого члена общества весьма ограничена. Поэтому неизбежна постоянная смена членов общества, обновление его человеческого состава. Состав общества все время обновлялся, но само оно сохранялось как таковое.

Но в отличие от геосоциального организма в социоисторическом организме рассматриваемого типа его человеческий состав не выступал как особое, противостоящее ему явление, как его население. В применении к социоисторическому организму данного типа можно говорить о его человеческом *составе*, но нельзя – о его *населении*. Люди не *населяют* такой социоисторический организм, они его *составляют*.

Это отнюдь не означает, что к периоду доклассового общества термин «население» вообще неприменим. Говорить о населении в применении к этой эпохе, разумеется, можно, но только о населении не тех или иных социоисторических организмов, а тех или иных территорий, регионов и т. д.

Если мы все же попытаемся использовать слово «население» в применении к социально-историческому организму такого типа, то у нас получится что-то совсем иное, чем в случае, когда речь идет о геосоциоре. Геосоциальный организм обладает населением. Социоисторический же организм рассматриваемого типа сам представляет собой не что иное, как особо организованное, особо структурированное «население», совпадает со своим собственным «населением». Поэтому такого рода социально-исторические организмы можно было бы назвать *демосоциальными организмами (демосоциорами)*. Если геосоциальный организм неотделим от территории, которую занимает, то демосоциальный – от своего личного состава.

Следствием было совпадение названия такого организма с наименованием совокупности людей, входивших в его состав, и каждого конкретного человека, принадлежавшего к нему. В качестве примера можно привести название племен ирокезов: сенека, кайюга, могауки и др. Сенека – наименование ни в коем случае не территории, а одновременно: 1) социоисторического организма; 2) совокупности людей, его составляющих; 3) каждого человека, принадлежащего к нему.

Если неотделимость геосоциального организма от территории, которую он занимает, обеспечивает относительную самостоятельность его человеческого состава по отношению к нему самому, то неотделимость демосоциального организма от его людского состава оборачивается большой степенью его самостоятельности по отношению к территории, на которой он находится. Это выражается прежде всего в том, что он может, сохраняя свою идентичность, покинуть данный участок земли и переместиться на другой. В отличие от геосоциальных организмов, намертво прикрепленных к территории, демосоциальные организмы подвижны, мобильны.

Ближайшая аналогия демосоциальных организмов – воинские части. Каждая из них представляет собой определенный четко зафиксированный иерархически организованный круг людей. Полк состоит из батальонов, батальоны – из рот, роты – из взводов, взводы – из отделений. Когда человек зачисляется в одно из отделений, то тем самым он входит в состав соответствующего взвода, роты, батальона. Батальоны полка могут быть локализованы, но их пространственное расположение не имеет прямого отношения к структуре части. В силу такого рода внутренней организации полк может быть переброшен в другое место, оставаясь при этом той же самой воинской частью.

Различие между демосоциальными и геосоциальными организмами столь велико, что одни и те же термины в применении к тем и другим имеют различное значение.

Величина демосоциального организма определяется числом людей, входящих в его состав. Чем больше людей насчитывается в его составе, тем он крупнее. Размеры территории, которую он занимает, не имеют принципиального значения, хотя, разумеется, более крупный организм, как правило, занимает и большую терри-

торию. Напротив, величина геосоциального организма всецело определяется размерами территории, которую он занимает. Чем больше его территория, тем он крупнее, независимо от численности его населения.

Увеличение демосоциального организма происходит путем возрастания числа его членов. До поры до времени увеличивающийся демосоциор может ограничиваться своей первоначальной территорией. Однако рано или поздно ему становится на ней тесно, и он начинает занимать новые земли, вытесняя с них другие демосоциоры. Но рост территории, занимаемой демосоциором, не есть увеличение его самого. Территориальная экспансия того или иного демосоциора совершенно не обязательно предполагает включение в его состав демосоциальных организмов, ранее занимавших захваченную им территорию.

Увеличение размеров демосоциального организма может привести к распаду его на два новых, которые в одних случаях остаются жить по соседству, а в других – могут оказаться далеко друг от друга. Демосоциальные организмы были способны не только разделяться, но и сливаться, части одного могли переходить в состав другого и т. д.

В отличие от демосоциального организма увеличение геосоциального может идти только путем расширения его территории. Вместе с новой территорией в его состав входит и ее население. Таким образом, возрастание размеров того или иного геосоциального организма происходит за счет соседних геосоциоров. Эти последние или целиком входят в его состав, или от них отрываются отдельные части.

Разумеется, несколько геосоциальных организмов могут объединиться и образовать один – более крупный. Единый геосоциальный организм может разделиться на несколько самостоятельных. Но это происходит иначе, чем в случае с демосоциальными организмами. Объединение геосоциальных организмов предполагает соединение их территорий, распад геосоциора – раздел его территории между вновь возникшими государствами.

С увеличением размеров геосоциального организма обычно увеличивается и его население. Но само по себе возрастание числа людей, входящих в геосоциальный организм, вовсе не означает

увеличение его размеров. Если не растёт территория геосоциального организма, то его размеры не увеличиваются, как бы ни росло при этом его население. Увеличение геосоциального организма и рост его населения – разные вещи.

Значение терминов «миграция», «переселение» в применении к демосоциальным организмам существенно отличается от смысла этих же терминов, когда они используются по отношению к геосоциальным организмам.

В первом случае речь идет прежде всего о перемещении с одной территории на другую самих социоисторических организмов или их союзов и сверхсоюзов. Именно такой характер носило Великое переселение народов, которое погубило Западную Римскую империю. Это, конечно, не означает, что люди, живущие в первобытном обществе, могут передвигаться только в составе социально-исторических организмов. Отдельные люди и их группы вполне могли переходить из состава одного демосоциора в состав другого. Но это было явлением второстепенным. А когда выделившаяся из состава того или иного демосоциора группа людей не присоединялась к другому организму, а начинала вести самостоятельное существование, она сама становилась новым демосоциальным организмом.

Во втором случае речь идет о перемещениях либо отдельных людей или их групп по территории геосоциального организма, либо об их выселении за его пределы. При этом движутся, перемещаются люди, а не социоисторические организмы. Особым случаем является выселение за пределы одного социально-исторического организма большой группы людей, которые на новом месте образуют новый геосоциор, относящийся к тому же типу. Примером может послужить древнегреческая колонизация, в результате которой греческие полисы возникли и на берегах Черного моря. Сходным образом возникли британские колонии на восточном побережье Северной Америки, которые в последующем развитии дали начало США. Все это может быть отнесено к Канаде, Австралии, Новой Зеландии.

Народ, этнос и этнические процессы

Все сказанное о геосоциальных организмах и их населении вплотную подводит нас к пониманию слова «народ» в его приме-

нении к классовому обществу. Оно, как и слово «общество», тоже многозначно. Одно из его значений – низшие слои того или иного классового общества. Именно такой смысл вкладывают в него, когда говорят, например, о борьбе народа против знати, против власти и т. д. Но кроме этого, слово «народ» в применении к классовому обществу употребляется еще в двух смыслах.

Один из них – вся совокупность людей, объединенных принадлежностью к тому или иному геосоциальному организму. Так, например, говорили о народе Югославии, советском народе. Говорили и сейчас говорят о народе Пакистана, народе Нигерии, индийском народе и т. п.

Но среди населения когда-то единой, а ныне распавшейся Югославии совершенно отчетливо выделялись такие совокупности людей, как сербы, черногорцы, хорваты, словенцы, боснийцы (босняки, бошняки, мусульмане), македонцы. Население Индии состоит из хиндустанцев, бихарцев, тамиллов, маратхов, телугу, бенгальцев и многих такого же рода групп. В Пакистане живут панджабцы, синдхи, гуджаратцы, кхо, кохистанцы и т. п. И для обозначения каждой из таких общностей людей также применялось и применяется слово «народ». Точно такими же общностями являются англичане, шотландцы, ирландцы, французы, итальянцы, русские, украинцы, башкиры и т. д.

Ясно, что в применении к сербам, англичанам, валлонам, белорусам, голландцам и т. п. слово «народ» имеет иной смысл, чем в том случае, когда говорят об индийском или пакистанском народах. Для выражения именно этого, а не какого-либо другого смысла в науке существуют особые термины. Ими являются слово *этнос* (греч. *ethnos* – народ) и словосочетание *этническая общность*. Было время, когда в нашей науке считалось, что существуют три последовательно сменившиеся в процессе исторического развития формы этнической общности: племя, народность, нация. И даже годы спустя после XX съезда КПСС многие советские ученые, прежде всего философы и историки, придерживались определения нации, данного Иосифом Виссарионовичем Сталиным (Джугашвили, 1879–1953) в работе «Марксизм и национальный вопрос» (1912), согласно которому нация характеризовалась четырьмя основными признаками: общностью языка, общностью территории,

общностью экономической жизни и общностью психического склада, проявляющейся в общности культуры. Определение это было далеко не оригинальным. Первые три признака И. В. Сталин позаимствовал из работ по национальному вопросу выдающегося теоретика марксизма Карла Каутского (1854–1938), среди которых прежде всего следует назвать работы: «Борьба национальностей и государственное право в Австрии» (1897–1898; пер. на рус. яз.: Киев, 1906), «Кризис Австрии (язык и нация)» (1903; русск. перевод: Киев, 1905); «Национальность и международность» (1908; пер. на рус. яз.: Национальные проблемы. Пг., 1918); четвертый – из труда другого крупного марксистского идеолога Отто Бауэра (1882–1938) «Национальный вопрос и социал-демократия» (1907; пер. на рус. яз.: СПб., 1909)⁴. В нашей науке считалось, что все эти четыре признака в той или иной степени были присущи и другим формам этнической общности: и народности, и племени.

Подобный подход не только не помогал понять сущность этнической общности, но, наоборот, закрывал дорогу к этому. В самом деле, что объединяет всех итальянцев независимо от их социального положения, политических взглядов и т. п. и одновременно отличает их от всех русских, англичан и французов? Во всяком случае, не пребывание в составе одного геосоциального организма, а тем самым и не общность территории и экономики. Итальянец, даже навсегда покинувший родину и переселившийся, скажем, в США, еще долгое время, а чаще всего до конца дней своих, остается итальянцем.

Первое, что, казалось бы, роднит всех членов данной этнической общности и одновременно отличает от членов других таких же общностей, – язык. В известной степени это справедливо по отношению к русским, полякам, башкирам и многим другим этносам. В мире существует только одна этническая общность, члены которой говорят на польском языке. Это поляки. То же самое можно сказать о русских, башкирах, финнах и т. п.

Но это не может быть отнесено к англичанам, испанцам, немцам, французам, португальцам, сербам. Язык, отличая англичан от

⁴ См. об этом: Семенов Ю. И. Из истории теоретической разработки В. И. Лениным национального вопроса // Народы Азии и Африки. – 1966. – № 4.

французов, не отделяет их от американцев, англоканадцев, англоавстралийцев, англоновозеландцев. Отличая испанцев, скажем, от шведов, язык не отграничивает их от мексиканцев, кубинцев, чилийцев, аргентинцев. На немецком языке говорят не только немцы, но также австрийцы и германо-швейцарцы. На французском языке, кроме французов, говорят валлоны, франко-швейцарцы и франкоканадцы. На одном языке говорят сербы, хорваты, черногорцы и боснийцы. Однако различие не только между русскими и итальянцами, но и между англичанами и американцами, немцами и австрийцами, сербами и хорватами, французами и валлонами проявляется в культуре. Нет американского языка, но существует американская культура. Нет аргентинского языка, но существует аргентинская культура. Один язык, но разные культуры у сербов и хорватов.

Общая культура – вот что роднит всех англичан, пока они остаются англичанами, и отличает их от американцев, ирландцев, шотландцев и других такого же рода общностей людей, говорящих на английском языке. Что же касается языковой общности, то она, как в том случае, когда эта общность в общем и целом совпадает с культурной, так и в том, когда она значительно шире последней, является одновременно и важнейшим условием возникновения и развития культурной общности, и существеннейшим компонентом последней.

Не вдаваясь ни в какие детали, имеет смысл хотя бы кратко рассмотреть понятие культуры.

Бесспорно, что слово «культура» постоянно используется для обозначения совокупности продуктов духовного и материального творчества людей. В этом легко убедиться, ознакомившись с любой книгой по истории культуры, написанной профессионалами, будь это труд о культуре Древнего Египта, Древней Греции, средневековой Европы или Древней Руси. Такое понимание культуры можно объявить примитивным, поверхностным, упрощенным и даже полностью несостоятельным, как это делают некоторые культурологи⁵. Однако оно существует, и с этим фактом нельзя не считаться.

⁵ См., например: Маркарян Э. С. Очерки по теории культуры. – Ереван, 1969. – С. 7.

Именно с таким пониманием культуры связано ее подразделение на духовную и материальную.

Однако выделенный выше смысл термина «культура» не является единственным существующим в обыденной речи. Он неразрывно связан и переплетается с иным, более глубоким пониманием культуры, которое тоже проявляется в повседневном употреблении этого слова. Культура именно во втором, а не в первом смысле имеется в виду, когда говорят о передаче культуры, об овладении культурой, об усвоении культуры, о приобщении к культуре и т. д. Именно с таким пониманием культуры связано противопоставление наличия и отсутствия культуры как у отдельных людей, так и у целых социальных групп, применение для характеристики людей таких определений, как «культурный», «малокультурный», «некультурный».

Некоторые культурологи категорически возражают против такого, как они выражаются, аксиологического (ценностного, оценочного) подхода к культуре, считая его противоречащим самому понятию культуры⁶. Однако в таком случае они пытаются подменить утвердившийся в сознании большинства людей смысл слова «культура» ими же самими произвольно созданным.

Если попытаться выразить одним словом второй реальный смысл термина «культура», то им будет слово «опыт». *Культура есть опыт деятельности людей, имеющий в конечном счете жизненное значение для всей какой-либо конкретной их общности в целом.* Этот социально значимый, или общезначимый, опыт жизнедеятельности людей закрепляется в словарном фонде, грамматике и вообще в системе языка, структурах и образах мышления, произведениях словесности (поговорах, поговорках, сказках, повестях, романах и т. п.), различного рода приемах и способах действий, нормах поведения, наконец, в различного вида созданных человеком материальных вещах (орудиях, сооружениях и т. д.).

Все явления, в которых воплощается этот общезначимый опыт, носят название явлений культуры. В силу того что культура как опыт всегда воплощается в явлениях культуры, существует

⁶ Маркарян Э. С. Указ. соч. – С. 6.

в них, совокупность последних тоже может быть охарактеризована и, как мы уже видели, обычно характеризуется как культура.

Таким образом, слово «культура» имеет в обыденном языке два значения. Первый смысл этого слова – общезначимый опыт жизнедеятельности людей. Другой – совокупность всех явлений, в которых воплощен и закреплён этот социально значимый опыт. Первое понятие выражает сущность культуры, второе – ее внешнее проявление. Эти два понятия культуры неразрывно связаны, но никогда полностью не совпадают. Поэтому их нужно четко различать.

В свете подхода к культуре как к общезначимому опыту становится ясным тот ее аспект, который получил название аксиологического. Культурным является тот человек, который в достаточной степени усвоил накопленный предшествующими поколениями и его собственный общественно значимый опыт, некультурным – тот, который к нему не приобщился. При этом важно подчеркнуть, что овладение культурой означает приобретение не только и не столько *знаний*, сколько *умений*. Мало, например, *знать*, как нужно вести себя, нужно *уметь* вести себя соответствующим образом.

С понятием культуры теснейшим образом связаны по крайней мере еще три. Первое из них – понятие *программы* деятельности, поведения. Главный смысл социального значимого опыта в том, что он выступает для каждого конкретного человека, овладевшего им, в качестве руководства к действию, в качестве программы его поведения.

Другим теснейшим образом связанным с категорией культуры является понятие *преемственности*. Культура есть опыт человеческой общности, который передается от одного поколения к другому. Конечно, культура не сводится к преемственности. Она не только передается, но и обогащается, и развивается. Однако никакое обогащение, никакое развитие культуры невозможно без передачи опыта от поколения к поколению. Культура всегда включает в себя как опыт, полученный от предшествующих поколений, то есть *традиции*, так и собственный опыт нового поколения, то есть *инновации*.

И здесь мы сталкиваемся еще с одним понятием – *накопления, аккумуляции*. Социально значимый опыт, являющийся программой

человеческой деятельности, не только передается, но и накапливается. Процесс развития культуры носит кумулятивный характер.

Культура есть общезначимый опыт. Поэтому она всегда есть опыт определенных совокупностей людей. Разные человеческие общности жили в различных условиях. Поэтому в каждой из них складывался свой собственный опыт, отличный от опыта других объединений. Подобно тому, как человеческое общество в целом всегда представляло собой множество социально-исторических организмов, человеческая культура всегда существовала как множество различных конкретных культур. Такими культурами были, например, древнеегипетская, шумерская, хеттская, римская, русская и т. п.

Поэтому вслед за появлением понятия *культуры вообще* появилось, во-первых, понятие *отдельные культуры*, во-вторых, понятие *человеческая культура в целом* как совокупность всех этих отдельных культур. Значительно позднее эти отдельные культуры получили название *локальных культур*.

Важнейшая проблема состоит в том, какие именно конкретные человеческие общности были создателями и носителями локальных культур. Как явствует из сказанного выше об этносе, этническая общность является одним из носителей локальных культур. Но этнос не просто культурная общность.

Дело в том, что иногда различия в культуре между частями одной этнической общности могут быть не меньшими, чем между разными этносами. Например, различие в традиционной духовной и материальной культуре двух групп русских, которые в этнографии принято именовать северными великорусами и южными великорусами, не меньше, чем их отличие от белорусов и украинцев. И тем не менее эти группы этносами не являются.

Здесь перед нами предстает еще один важный фактор – этническое самосознание, то есть осознание людьми, составляющими этническую общность, своей принадлежности именно к этой, а не к какой-либо другой общности. И северные великорусы, и южные великорусы в одинаковой степени осознавали себя русскими. Таким образом, этническое самосознание состоит в том, что человек осознает себя русским, англичанином, норвежцем. Тем самым он

осознает данную общность как «свою», а остальные – как «чужие», данную культуру как «свою», а остальные – как «чужие».

Наличие этнического сознания необходимо предполагает существование общего названия этноса – *этнонима* (от греч. *ethnos* – народ и лат. *nomina* – название, имя). У этноса может быть несколько названий, одно из них – самоназвание, другие – имена, даваемые данному этносу людьми, принадлежащими к другим народам. Этническое самосознание невозможно без самоназвания. Если члены той или иной культурно-языковой общности не обладают этническим самосознанием, то эта группа не является этносом.

Этнос есть общность социальная и только социальная. Но нередко она понимается не только как социальная, но и как биологическая. И это объяснимо. Члены этноса сосуществуют не только в пространстве, но и во времени. Этнос может существовать тогда, когда он постоянно воспроизводится. Он обладает глубиной во времени, имеет свою историю. Одни поколения членов этноса замещаются другими, одни члены этноса наследуют другим. Существование этноса предполагает наследование.

Но наследование наследованию рознь. Существует два качественно различных вида наследования. Одно из них – наследование биологическое, посредством генетической программы, заложенной в хромосомах, наследование телесной организации. Другое – наследование социальное, передача культуры от поколения к поколению. В первом случае принято говорить о наследственности, во втором – о преемственности.

Передача этнической принадлежности есть наследование чисто социальное, чисто культурное, есть преемственность. Но в нормальных условиях культурное, социальное воспроизводство человека неотделимо от биологического. Дети наследуют от родителей не только телесную организацию, но и культуру и этническое самосознание. В результате неизбежно возникает иллюзия полного совпадения социального и биологического воспроизводства, биологического и социального наследования, более того, иллюзия производности социального наследования от биологического.

Отсюда вытекает представление, что этническая общность в своей основе есть общность происхождения, что этнос есть совокупность людей, имеющих общую плоть и кровь, что каждый эт-

нос – особая порода людей. Таким образом, социальная по своему существу общность людей осознается как общность биологическая, что находит свое отражение в языке. Слово «народ», которым в обыденном языке именуют этнос, происходит от слов «род», «рождать», «порождать». И недаром еще в XVII–XVIII, даже в XIX вв. для обозначения этноса нередко употреблялось слово «раса».

Когда перед человеком, который никогда не занимался теоретическими рассуждениями о природе этноса, встает вопрос о том, почему он принадлежит именно к этому, а не к иному этносу, почему, например, он русский, а не татарин, англичанин и т. п., то у него, естественно, напрашивается ответ: потому что мои родители принадлежали к данному этносу; потому что мои родители – русские, а не татары, не англичане и т. д. Для обычного человека его принадлежность к тому или иному этносу определяется его происхождением, которое понимается как кровное происхождение. Такова точка зрения не только рядовых людей.

Она разделяется и пропагандируется и некоторыми политическими деятелями, и даже людьми, считающимися учеными. Так, например, теперь уже бывший президент Республики Татарстан Минтимер Шарипович Шаймиев категорически заявлял: «Национальные, религиозные особенности глубоко сидят в душах, в генах людей»⁷.

Точку зрения на этнос как на биологическое явление отстаивает доктор исторических наук Валерий Дмитриевич Соловей. «Этнос (этническая группа), – определяет он, – это группа людей, отличающаяся от других групп людей совокупностью наследственных биологических характеристик и присущих только этой группе архетипов, члены которой разделяют интуитивное чувство сходства и родства.»⁸ Исходя из этого, он утверждает: «С научной точки зрения, русские – это те, в чьих венах течет русская кровь, или, выражаясь научно, кто имеет русскую генетическую и биохимическую конституцию и русский антропологический тип»⁹. И это В. Д. Соловей заявляет вопреки тому, что русский этнос состоит из людей, относящихся не только к разным антропологическим типам

⁷ Шаймиев М. Нация и вера – в наших генах // Аргументы и факты. – 2005. – № 37. – С. 5.

⁸ Соловей В. Д. Кровь и почва русской истории. – М., 2008. – С. 68.

⁹ Там же. – С. 70.

и группам антропологических типов, а даже к трем разным малым расам: атлантико-балтийской, беломоро-балтийской и средневропейской. И ни одна из этих рас не присуща одним только русским. Атлантико-балтийская раса – важный элемент антропологического состава норвежцев, шведов, исландцев, датчан, шотландцев, белорусов, латышей, эстонцев, встречается у финнов, немцев и французов. К средневропейской расе относится значительная часть немцев, австрийцев, северных итальянцев, чехов, словаков, поляков, украинцев.

А доктор медицинских наук, заведующий кафедрой судебной медицины Московского медико-стоматологического института Гурген Амаякович Пашинян уверяет: «Мы на кафедре исследовали зубные дуги. И можем утверждать, что по ним можно устанавливать расово-этнические особенности. Можно уверенно отличить русского от казаха, грузина, эстонца»¹⁰. Кое-где взгляд на этнос как на биологическую общность закреплён в праве. Так, по законам государства Израиль евреем считается человек, рожденный матерью-еврейкой.

Когда же предки человека принадлежат не к одному, а к разным этносам, то нередко и он сам, и иные знающие об этом люди занимаются подсчетами, сколько в нем «разных кровей» и какова доля каждой из них. Говорят о долях русской, польской, еврейской и прочих «кровей».

Поэтому сознание принадлежности к той или иной этнической общности до самого недавнего времени никогда не рассматривалось как что-то чисто субъективное, всецело зависящее от разума и воли человека. У человека именно такие, а не иные родители, именно такое, а не иное происхождение, именно такая, а не иная кровь.

Но сознание этнической принадлежности нельзя рассматривать как чисто субъективное явление даже в том случае, если понимать этнос в качестве социального и только социального образования, каковым он в действительности является. Оно включает в себя в качестве необходимейшего компонента чувство этнической принадлежности. А чувства человека, как известно, формируются в значительной степени, а иногда и совершенно независимо от его

¹⁰ Берестов С. Фрагменты. Профессия судмедэксперта не самая веселая, но без нее не обойтись // Труд. – 2004. – 5 октября. – С. 7.

разума, рассудка. «Любовь зла, полюбишь и козла», – говорит русская пословица.

Сознание и чувство этнической принадлежности формируется под влиянием объективных условий жизни человека и, возникнув, существует уже во многом независимо от его сознания и воли. Этой независимости во многом, конечно, способствует осознание этнической принадлежности как принадлежности к особой биологической породе людей. Человек не может произвольно изменить сложившееся у него сознание принадлежности именно к этому, а не иному этносу, хотя, конечно, может скрыть это и объявить о своей принадлежности к другой группе.

Разумеется, сознание принадлежности к одной этнической общности может замещаться сознанием принадлежности к другому этносу, но это происходит не в результате волевого решения человека, а в силу определенных объективных условий.

Если человек навсегда попадает в иноэтническую среду, то он вынужден для того, чтобы нормально жить в новых условиях, овладеть языком, на котором говорят окружающие его люди. Шаг за шагом он начинает впитывать ранее чуждую для него культуру и постепенно все больше забывает о той, что была для него родной. Этот длительный процесс, который именуется *этнической ассимиляцией, этническим втягиванием или растворением*, завершается изменением сознания этнической принадлежности. Но чаще всего это происходит только во втором или даже в третьем поколении.

Полному завершению процесса этнической ассимиляции мешает, конечно, осознание этнической общности как общности происхождения. Не только человек, первым оказавшийся в иноэтнической среде, но и его потомки помнят, что хотя по языку и культуре они теперь ничем не отличаются от окружающих их людей, но по происхождению, по крови они иные. Так возникают такие характеристики, как американец ирландского, немецкого и т. п. происхождения. И память различных групп американцев о различии их корней мешает им стать одним единым этносом. Особенно наглядно это видно на примере афроамериканцев (негроидов), которые действительно по своей телесной природе отличаются от других жителей США, в большинстве своем принадлежащих к европеоидам.

Культурно-языковой или языковой ассимиляции могут подвергнуться не только отдельные индивиды, но и целые группы людей, принадлежащих к тому или иному этносу. И если они при этом не утрачивают прежнего этнического самосознания, то продолжают оставаться членами исходного этноса. Но наряду с этим они образуют в его составе особую группу. Таковы терюхане, которые полностью перешли на русский язык, но при этом сохранили память о своем мордовском происхождении. Наконец, на чужой язык могут перейти целые этносы, что совершенно не обязательно ведет к утрате их этнического самосознания. Так, например, практически почти полностью перешли на английский язык, но при этом сохранились как этнос валлийцы, шотландцы и ирландцы.

В связи с переходом на русский язык большинства белорусов некоторые белорусские писатели и поэты заговорили о геноциде этого народа. Большую глупость трудно придумать. Даже если белорусы потеряют свое прежнее этническое самосознание и будут считать себя частью русского этноса, ни о каком геноциде не может быть и речи. Геноцид этноса в точном смысле слова – прямое физическое истребление его членов или обречение их на биологическое вымирание. Но скорее всего, белорусы сохранятся в качестве этноса даже в том случае, если перестанут говорить на белорусском языке.

Подводя итоги, можно сказать, что *этнос, или этническая общность, есть совокупность людей, которые имеют общую культуру, говорят, как правило, на одном языке, обладают общим самоназванием и осознают как свою общность, так и свое отличие от членов других таких же человеческих групп, причем эта общность чаще всего осознается как общность происхождения.*

Этнос может иметь различную структуру. Он может состоять из: 1) *этнического ядра* – компактно живущей на определенной территории основной части этноса; 2) *этнической периферии* – компактных групп представителей данного этноса, так или иначе отделенных от основной его части; 3) *этнической диаспоры* – отдельных членов этноса, рассеянных по территориям, которые занимают другие этнические общности.

Весь этнос может быть подразделен на *субэтносы* – группы людей, отличающиеся своеобразием культуры, языка и определен-

ным самосознанием. В таком случае каждый из членов этноса входит в какой-либо из составляющих его субэтносов. Так, грузины делятся на картлийцев, кахетинцев, имеретин, гурийцев, мохевцев, мтиулов, рачинцев, тушин, пшавов, хевсуров и т. п. У членов такого этноса существует двойное этническое самосознание: сознание принадлежности к этносу и сознание принадлежности к субэтносу.

Основная часть русского этноса не подразделена на субэтноты. Северные и южные великорусы таковыми никогда не были, несмотря на культурные и языковые различия. Ни те ни другие никогда не обладали собственным самосознанием. Это не суб-этноты, а всего лишь *этнографические группы*. Несколько субэтносов существовало и в какой-то мере продолжает существовать в основном на периферии русского этноса. Это поморы, донские, терские, уральские казаки, колымчане, русско-устыинцы на Индигирке и т. д. Но подавляющее большинство русских сейчас напрямую входят в свой этнос, минуя и этнографические группы, и субэтноты.

Выше был охарактеризован один этнический процесс – этническая ассимиляция (втягивание, растворение). Но кроме него существуют и другие. Один из них – процесс *этнического слияния* (*консолидации*), заключающийся в том, что несколько близких по культуре и языку соседних этносов объединяются в один, при этом нередко долгое время продолжая сохраняться в качестве частей этого нового этноса – субэтносов. Чаще всего это происходит тогда, когда все они оказываются в пределах одного геосоциального организма.

Образование в IX в. единого государства – Руси – на территории, населенной несколькими родственными племенами, – полянами, древлянами, северянами, вятичами, кривичами и т. п. – привело к их консолидации в один этнос, который получил название «русский народ». В литературе это государство обычно именуют Киевской Русью, а народ – древнерусским, но нужно помнить, что эти названия являются искусственными. Они созданы историками много веков спустя после окончания данного периода в истории восточных славян.

Наряду с этнической консолидацией может иметь место *этническое включение*, или *этническая инкорпорация*, – превращение

ранее самостоятельного этноса в субэтнос в составе крупного соседнего этноса. Так, например, к настоящему времени мегрелы, а в какой-то степени и сваны, еще недавно бывшие вполне самостоятельными народами, превратились в субэтносы в составе грузинского этноса.

Прямой противоположностью этнической консолидации является процесс *этнического расщепления*, или *этнической дивергенции* – разделения ранее единого этноса на несколько новых самостоятельных этнических общностей. Чаще всего это связано с распадом того или иного геосоциального организма. После монгольского нашествия Северная Русь оказалась под властью Золотой Орды. Остальные земли Руси в конце концов вошли в состав либо Польши, либо Великого княжества Литовского. В результате люди, образовывавшие один этнос, оказались в составе разных геосоциальных организмов.

Как уже отмечалось, каждый социоисторический организм есть относительно самостоятельная единица исторического развития. У разных социоров разные истории или, как нередко говорят, разные исторические судьбы. Вхождение людей, принадлежащих к одному этносу, в состав разных социоисторических организмов означало втягивание их в разные конкретные исторические процессы и тем самым разделение их исторических судеб. Это чаще всего, хотя и не всегда и не сразу, ведет к распаду ранее единого этноса на несколько самостоятельных этнических общностей.

Именно это и произошло с русским этносом. Он распался на три новых этноса. Один из них сохранил старое название, два других с течением времени обрели иные: белорусы и украинцы. Впрочем, нельзя не отметить, что на территории Западной Украины вплоть до самого позднего времени население называло себя русскими (руськими, русинами), а жители Карпатской Руси, которая была отторгнута от Руси еще в XI в., так называют себя и до сих пор.

О том, что при формировании новых этносов решающую роль играет не степень культурной и языковой близости, а социорная граница, говорит хотя бы такой факт. Если взглянуть на «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» (М., 1915), отражающий картину распространения восточнославянских языков

в начале XX в., можно легко убедиться в том, что значительная часть Смоленской губернии входит в зону диалектов белорусского языка. Но большая часть жителей Смоленщины уже много веков считает себя русскими и никогда не считала себя белорусами. Это связано с тем, что захваченная литовцами в 1404 г. Смоленская земля уже в 1514 г. вошла в состав Московского государства и с тех пор с небольшим перерывом (1611–1654 гг.) находилась в пределах России.

Кстати, и граница между сербами и хорватами не совпадает с языковыми различиями. На штокавском диалекте сербохорватского языка говорит большинство сербов, значительная часть хорватов, а также черногорцы и боснийцы, на чакавском диалекте – часть хорватов. Решающим фактором были не диалектные, а социорные, политические границы, отделившие будущих сербов от будущих хорватов. За этим последовало принятие одними православия и кириллицы, другими – католицизма и латиницы и т. д.

Все приведенные выше примеры позволяют понять, почему в качестве одного из признаков этноса нередко называют общность исторической судьбы. Пребывание нескольких близких культурно-языковых общностей в составе одного геосоциора чаще всего ведет к их консолидации в один этнос, вхождение частей одного этноса в разные социоры – чаще всего к превращению их в самостоятельные этносы.

Сказанное выше позволяет понять соотношение этноса и социоисторического организма.

В литературе этнос нередко отождествляется с обществом. Это, в частности, выражается в том, что те или иные авторы говорят о социально-экономической и политической структурах, о хозяйстве этноса. В результате некоторые из них рассматривают этнос как некую самостоятельно развивающуюся по особым законам единицу исторического развития. И в большинстве случаев, когда этносы или народы объявляются субстантами (субъектами) исторического процесса, практически имеются в виду не собственно этносы, а социоисторические организмы.

Понять исследователей, говорящих о социально-экономической и иных структурах этноса, можно. Люди, составляющие этнос, безусловно, всегда живут в обществе, в системе социально-экономи-

ческих, политических и иных общественных отношений. Однако согласиться с ними нельзя.

В действительности этнос и общество – хотя и связанные, но совершенно разные явления. Это особенно наглядно видно тогда, когда люди, принадлежащие к одной этнической общности, входят в состав нескольких разных геосоциальных организмов. Было время, когда с карты Европы исчезла Польша, и поляки оказались в пределах трех разных геосоциоргов. Польши как социально-исторического организма не стало, но польский этнос продолжал существовать. А в случае с ГДР и ФРГ немцы жили не просто в разных геосоциальных организмах, а в обществах разного типа с разным социально-экономическим и политическим строем.

Но и тогда, когда геосоциальный организм и этнос по своему человеческому составу полностью совпадают, они ни в коем случае не являются одним и тем же. В случае же наличия в одном геосоциальном организме нескольких этносов последние никак не являются подразделениями, частями общества. Это деление внутри всего лишь *населения* общества, а не общества, как часто понимается. Этности (или части этносов) представляют собой всего лишь группировки населения общества. Поэтому у них заведомо не может быть экономических или политических структур. Такие структуры имеет только общество, социоисторический организм. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что хотя этности представляют собой культурно-языковые общности, и культура, и язык – прежде всего продукты не этноса или этносов, а общества или обществ.

Как наглядно свидетельствуют все приведенные выше материалы, в отношении общества и этноса первичным является общество. Этности не имеют своей самостоятельной истории. Их движение, изменение, развитие определяется историей обществ, в состав которых они входят. Этности суть порождения общества. Но это совсем не исключает того, что в определенных условиях они могут приобрести относительную самостоятельность, причем иногда даже значительную.

Положение о первичности общества по отношению к этносу подтверждается всем ходом исторического развития. В число признаков этноса не входит ни общность территории, ни общность экономической жизни. Но можно понять, почему их считали таковыми.

В принципе, члены одного этноса могут жить на совершенно разных территориях и принадлежать к разным экономическим общностям, но этнос не может возникнуть без более или менее компактного совместного проживания будущих его членов на определенной территории и наличия между ними каких-то, пусть минимальных, экономических связей. При рассмотрении вопроса о становлении того или иного этноса необходимо иметь в виду не абстрактную «общность территории» и «общность экономической жизни», а конкретные геосоциальные организмы с их территорией и экономикой.

Этносы суть группировки населения. Но о населении общества как о самостоятельном явлении, отличном от самого общества, можно говорить только после смены демосоциальных организмов геосоциальными. А это значит, что этносы в точном смысле этого слова существуют только в классовом, или цивилизованном, обществе. В первобытном обществе их нет. Но если этносов в доклассовом обществе не было, то культурно-языковые общности там существовали, но они были качественно отличными от этносов.

Демосоциальные организмы, генетико-культурные общности и генетические культурно-языковые конгломераты

Процесс становления человека и общества, начавшийся примерно 1,9–1,8 млн лет тому назад, закончился приблизительно 35–40 тыс. лет тому назад. На смену праобществу пришло готовое, сформировавшееся человеческое общество¹¹.

Крупнейшим переломом в развитии готового общества было появление общественных классов и государства, возникновение классового или, как его нередко называют, цивилизованного общества. Первые цивилизации возникли в конце IV в. до н. э., то есть примерно 5 тыс. лет тому назад. Весь предшествующий период существования готового общества в нашей науке принято относить к первобытному обществу.

В развитии этого общества довольно отчетливо выделяются: 1) эпоха собственно первобытного общества; 2) эпоха перехода от собственно первобытного общества к классовому. Общество этой

¹¹ Подробнее об этом см.: Семенов Ю. И. Как возникло человечество. – 2-е изд. – М., 2002; Он же. На заре человеческой истории. – М., 1989.

переходной эпохи нередко называют предклассовым. В свою очередь, в эволюции собственно первобытного общества можно выделить этапы: а) раннего первобытного (первобытно-коммунистического) общества; б) позднего первобытного (первобытно-престижного) общества.

На стадиях первобытно-коммунистического и первобытно-престижного общества социально-историческими организмами были общины и только общины. Численный состав раннепервобытных общин никогда не превышал сотни индивидов (а чаще всего они состояли из 25–50 человек), а позднепервобытных – обычно не выходил за пределы тысячи человек.

Люди, входившие в состав каждой общины, конечно, имели общую культуру, говорили на одном языке. И само собой разумеется, что они осознавали свою общность и свое отличие от людей, принадлежавших к другим подобного же рода группам. Таким образом, община была культурно-языковой общностью. Однако сущность ее заключалась совсем не в этом.

Община прежде всего была социоисторическим организмом. И сознание общинного единства было в своей основе сознанием принадлежности не к культурно-языковой общности, а к демосоциальному организму, определенному конкретному обществу. Культурно-языковая общность в данном случае представляла собой не самостоятельное явление, каким в классовом обществе является этнос, а всего лишь аспект, одну из сторон, причем не самую важную, социорной, точнее, демосоциорной общности. Поэтому она не была этнической общностью в том смысле, который вкладывается в этот термин, когда мы используем его в применении к классовому обществу.

Демосоциорная общность на этих этапах была одновременно и культурной, причем культурная общность включала в себя в качестве своего важнейшего момента единство языка. Но если социорная общность была одновременно и культурно-языковой, то культурно-языковая общность, как правило, всегда была более широкой, чем социорная.

Разрастаясь, первобытные общины распадалась, и дочерние общины наследовали от материнской общности культуры и языка. Делились, в свою очередь, и дочерние общины. Появлялись общи-

ны-«внучки», общины-«правнучки» и т. п. Если даже допустить, что возникшие новые общины не поддерживали никаких контактов друг с другом, все равно образование широкой культурно-языковой общности было неизбежным. Это культурно-языковое единство было результатом общности происхождения. Поэтому такое единство можно назвать *генетической культурно-языковой*, или, короче, *генетико-культурной общностью*.

Реально такая общность существовала первоначально как совокупность общин, имеющих общего предка. Эти общины связывала общность происхождения. Совокупность общин, связанных подобного рода своеобразным культурно-языковым родством, я буду называть *генетическим демосоциорным конгломератом*.

О демосоциорном, а не общинном генетическом конгломерате я предпочитаю говорить потому, что общины были единственными социоисторическими организмами лишь на стадиях раннепервобытного и позднепервобытного общества. С переходом на стадию предклассового общества положение изменилось. Наряду с однообщинными демосоциальными организмами появились многообщинные.

Это племена в том смысле слова, в котором его использовал Л. Г. Морган. Как уже отмечалось, слово «племя» имеет в этнографической и исторической литературе несколько значений. Во избежание путаницы я в дальнейшем буду называть такого рода многообщинные демосоциоры племенными демосоциорами или, короче, *трибосоциорами* (от лат. *triba* – племя).

Раньше этнографы именовали племенами все многообщинные демосоциоры. Однако в последние десятилетия стало ясным, что среди них существуют такие, которые качественно отличаются от племен в моргановском понимании. В западной литературе для их обозначения стало использоваться слово *chiefdom*. В нашей литературе такого рода многообщинный демосоциор называют *чифдомом*, или *вождеством*. Последнее слово представляет собой русскую кальку слова *chiefdom*. Я в своих работах предложил называть подобного рода многообщинные демосоциоры *протополитархиями*. Протополитархии являются формирующимися государствами¹².

¹² См.: Семенов Ю. И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2011.

С переходом от позднепервобытного общества к предклассовому существенные изменения претерпели общины. Из позднепервобытных они превратились либо в пракрестьянские общины, либо в сверхобщины, или великообщины. Часть пракрестьянских общин вошла в состав трибосоциоров и протополитархий. В результате они перестали быть социоисторическими организмами, превратились в социальные суборганизмы. Другая часть пракрестьянских общин и почти все великообщины продолжали существовать в качестве самостоятельных демосоциоров¹³. Чтобы отличить их от общин, переставших быть демосоциорами, я буду называть их *общиносоциорами*.

Если на стадиях раннепервобытного и позднепервобытного обществ генетические демосоциорные конгломераты состояли из общин, то на стадии предклассового общества – из общиносоциоров, трибосоциоров и протополитархий, что не меняло их природы.

Культурно-генетическая общность не может быть названа этносом. И дело не только и не столько в отсутствии осознания этой общности, а тем самым – и самоназвания. Главное заключалось в том, что в отличие от этноса она была совокупностью не людей, взятых самих по себе, а прежде всего социоисторических организмов.

Каждый генетический демосоциорный конгломерат был носителем определенной локальной культуры, но не ее создателем. В отличие от него входившие в его состав демосоциальные организмы были не только носителями, но и творцами культуры. В каждом из них накапливался свой новый опыт, который не мог не отличаться от опыта других демосоциоров. Результатом было накопление определенных различий в культуре уже у дочерних общин, еще больших – у общин-«внучек» и т. д.

В результате культурно-генетические общности, которые выступали как генетические конгломераты различного рода демосо-

¹³ Подробнее об этом см.: Семенов Ю. И. Проблема перехода от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 1; Он же. Война и мир в земледельческих предклассовых и ранних классовых обществах / А. И. Першиц, Ю. И. Семенов, В. А. Шнирельман // Война и мир в ранней истории человечества. – Т. 2. – М., 1994; Он же. Введение во всемирную историю. – Вып. 2. История первобытного общества. – М., 1999.

циальных организмов, с неизбежностью имели иерархическую структуру. Существовали демосоциорные конгломераты первого, второго, третьего порядка и т. д. (первичные, вторичные, третичные и т. п.) Чем выше был порядок, тем меньшей была культурная и языковая общность между демосоциорами. По мере отдаления от общего предка возрастали культурные и языковые различия, при этом дифференциация культуры шла быстрее, чем дифференциация языка.

Но и последняя тоже имела место. Люди, входившие в состав демосоциоров, образывавших генетический конгломерат первого порядка, могли говорить на одном диалекте одного языка. Следующий порядок мог уже характеризоваться наличием общего языка, но нескольких диалектов. Еще выше могло существовать несколько родственных языков, причем их сходство по мере движения вверх непрерывно уменьшалось.

Иерархически построенные генетические культурно-языковые общности не исчезли полностью с переходом к классовому обществу и с превращением демосоциоров в геосоциоры. Но теперь, во-первых, они начали состоять уже не из демосоциоров, а из этносов, во-вторых, стали не столько культурно-языковыми, сколько просто языковыми.

Основное звено в этой иерархии – *семьи языков*, которые подразделяются на ветви и группы языков, а сами иногда объединяются в макросемьи, или стволы. Примером такой семьи являются индоевропейские языки, на которых сейчас говорит 45 % населения земного шара. Возможно, что эта семья вместе с картвельской, афразийской, уральской, алтайской, дравидской и некоторыми другими семьями, а также рядом изолированных языков (японским, корейским, юкагирским) образует ностратический (гипербореийский, бореальный) ствол.

Индоевропейская семья языков подразделяется на две основные ветви: восточную и западную. К первой принадлежат индоиранские (арийские) языки, включающие индоарийскую, иранскую и промежуточную между ними нуристанскую группу, а также греческий и армянский языки. К западной ветви относятся италий-

ские, романские, кельтские (три подгруппы), иллирийские и германские (три подгруппы) языки. Промежуточное положение между восточной и западной ветвями занимают балто-славянские языки, которые делятся на балтийские и славянские. Последние в свою очередь подразделяются на восточнославянские (русский, украинский и белорусский), западнославянские (чешский, словацкий, польский, кашубский, лужицкий) и южнославянские (болгарский, македонский, сербохорватский, словенский) языки.

Но было бы ошибкой считать, что принадлежность людей к той или иной языковой группе всегда является результатом общности происхождения. Например, значительная часть европейских евреев говорила на идише, который принадлежит к группе западногерманских языков, а родным языком афроамериканцев в США давно уже является английский. Родство языков совершенно не обязательно совпадает с родством людей, говорящих на этих языках.

Культурно-языковое единство могло долгое время сохраняться и при отсутствии контактов между родственными по происхождению общинами. Но завязывание и поддержание связей между соседними общинами было необходимым и неизбежным. Могли возникать и возникали местные (локальные) системы общин. Такие системы общин можно было бы назвать *демосоциорными ассоциациями*. Если на стадиях раннепервобытного и позднепервобытного обществ демосоциорные ассоциации состояли только из общин, то на стадии предклассового общества они могли состоять и состояли из общиносоциоров, трибосоциоров, великообщин и протополитархий.

Каждая ассоциация обычно состояла из демосоциоров, относившихся к одной генетико-культурной общности. Эти демосоциоры, таким образом, объединяла и общность происхождения. В этом смысле они, вместе взятые, представляли собой одновременно и генетический демосоциорный конгломерат. Но демосоциоры, входившие в ассоциацию, объединяло не только и не столько унаследованное от прошлого единство культуры и языка, сколько множество различного рода практических уз. Между ними постоянно поддерживались самые разнообразные контакты.

Генетическое единство дополнялось единством практическим, органическим.

Наличие практического единства в огромной степени способствовало не только сохранению, но и дальнейшему развитию общности культуры и языка между всеми демосоциорами, входившими в состав ассоциации. Люди, входившие в состав всех этих демосоциоров, в той или иной степени осознавали свое единство, что нередко выражалось в появлении общего для всех их названия. Так же, как и генетические демосоциорные конгломераты, демосоциорные ассоциации могли иметь иерархическую структуру. Можно говорить об ассоциациях первого, второго, третьего и т. п. порядка (первичных, вторичных, третичных и т. д.)

Первичные ассоциации общин, которые были одновременно и органическими, и генетико-культурными общностями, в этнографической литературе чаще всего именуется, как и упоминавшиеся выше трибосоциоры, племенами. Таковы племена у аборигенов Австралии: диери, курнаи, аранда, варрамунга, тиви и т. п. Как племена характеризуют иногда и общинные ассоциации более высоких порядков. Но в англоязычной этнологической литературе их нередко называли *нациями*.

Этнографы называют племенами не только общинные ассоциации. Они нередко используют это слово для обозначения также и любых территориальных скоплений общин с общей или сходными культурами и с общим или близкими языками. При этом не считается необходимым ни существование между этими общинами более или менее постоянных связей, ни осознание единства, ни наличие общего имени.

Эти же самые совокупности общин, равно как и общинные ассоциации, особенно высших порядков, нередко называются и народами. Слово «народ» используется также для обозначения трибосоциоров, трибосоциорных и протополитархических ассоциаций любых порядков и просто любых совокупностей общиносоциоров, трибосоциоров, великообщин и протополитархий совершенно независимо от наличия между этими демосоциорами практических связей, но при условии существования между ними хоть какого-

нибудь культурного (общая или сходные культуры) или языкового (один или сходные языки) единства.

Таким образом, в применении к первобытности народом называют не этническую общность, которой как особого явления в ту эпоху не существовало, а либо многообщинный демосоциальный организм, либо любую совокупность родственных по культуре и языку демосоциальных организмов, причем совершенно независимо от того, представляет она собой ассоциацию или какую-либо иную органическую общность или не представляет. Это уже четвертое значение слова «народ».

На ранних этапах истории человечества в состав социально-исторического организма входили люди, как правило, имевшие одну культуру и говорившие на одном языке. В период перехода от первобытного общества к классовому, когда начались не только грабительские и завоевательно-переселенческие, но и завоевательно-покорительные войны, стали возникать крупные социоисторические организмы, в состав которых могли быть инкорпорированы демосоциоры, состоящие из людей, отличающихся по языку и культуре от завоевателей.

Одновременно в этот же период началось превращение демосоциальных организмов в геосоциальные, причем возрастание размеров социально-исторических организмов в огромной степени способствовало этому процессу. Крупный социоисторический организм с неизбежностью «прирастал» к территории и приобретал территориальную структуру, хотя остатки демосоциальных структур могли сохраняться в нем еще долгое время. А еще дольше продолжали жить представления, уходившие корнями в эту эпоху. Ведь еще в Средние века французские монархи именовались королями не Франции, а всех французов, а английские – королями всех англичан. Сравнительно небольшие социоисторические организмы эпохи предклассового общества имели и демосоциальную, и территориальную структуры, были одновременно и демосоциорами, и геосоциорами.

В целом развитие шло по линии трансформации демосоциальных организмов в геосоциальные, то есть в страны, а тем самым

и выделения населения страны как особого явления, отличного от самой страны. И если население страны было неоднородным в языковом и культурном отношении, то совокупности людей, говорящих на одном языке и имеющих одну культуру, стали все в большей степени выступать как особого рода общности, отличные от данной социорной и вообще от социорных общностей. С возникновением особого самосознания эти общности превращались в этнические. Там же, где население страны было однородным в культурно-языковом отношении, особое этническое самосознание долгое время не могло оформиться. Оно было неотделимо от сознания социорной общности.

Это был один из путей формирования этнических общностей. Но в этносы могли превратиться те или иные генетико-культурные общности. Таким образом, например, возникла эллинская этническая общность, члены которой жили в составе множества геосоциальных организмов – городов-государств, полисов. Политическая раздробленность не помешала грекам осознать свою культурно-языковую общность, что наглядно выразилось в появлении этнонима «эллины».

Окончание следует.